

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1: 821.162.1

Из Австро-Венгрии в Россию с любовью

Максим Анатольевич Артемьев

Независимый исследователь,

г. Москва, Российская Федерация, art-maksim@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена поэтическим произведениям ведущих славянских поэтов Австро-Венгрии рубежа XIX-XX веков (Й.С. Махара и А. Ашкерца), посвященным личным впечатлениям от России. В работе дается обзор контекста, в котором эти произведения создавались; определяются их особенности; проведен сопоставительный анализ творчества поэтов.

Ключевые слова: Йозеф Сватоплук Махар, Антон Ашкерц, панславизм, чешская литература, словенская литература.

Для цитирования: Артемьев М.А. Из Австро-Венгрии в Россию с любовью // Русская филология и национальная культура. 2025. №3(16). С. 1-10. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st20-2025.pdf>

Original article

УДК 821.161.1: 821.162.1

From Austria-Hungary to Russia with love

M.A Artemyev

Independent researcher,

Moscow, Russian Federation, art-maksim@yandex.ru

Abstract. This article examines the poetry of leading Slavic poets of Austria-Hungary at the turn of the 19th and 20th centuries (J. S. Machar and A. Ascherc), which explore personal impressions of Russia. The paper provides an overview of the context in which these works were created, identifies their distinctive features, and provides a comparative analysis of their work.

Key words: Josef Svatopluk Machar, Anton Ascherc, Pan-Slavism, Czech literature, Slovenian literature.

На рубеже XIX–XX веков Российскую империю посетили два выдающихся славянских поэта из Австро-Венгерской империи, чешский – Йозеф Сватоплук Махар, и словенский Антон Ашкерц. Оба позже выпустили сборники стихов о своих путешествиях по России.

***

Йозеф Сватоплук Махар (Josef Svatopluk Machar, 1864 – 1942), происходил из семьи мельника. Он окончил гимназию в Праге, и с 1891 года жил в Вене, где служил в банке, вплоть до провозглашения Чехословакии в 1918 году. В Вене тогда существовала большая чешская община, и Махар принимал активное участие в литературной жизни родного народа. Он был одним из авторов и подписантов в 1896 году «Манифеста чешской модерна», провозгласившего начало новой эпохи в чешской литературе. Но его творчество не было «модернистским» в современном смысле слова. Махар ориентировался на традиции Карела Гавличека-Боровского и Яна Неруды, и был, скорее, «критическим реалистом», разрывая с конформизмом и сентиментальностью предшествующего поколения [9].

Между Чехией и Россией с середины XIX века существовали довольно тесные связи, например, в 1867 на Славянский съезд, проходивший в Санкт-Петербурге и Москве, приехала представительная чешская делегация; много учителей-чехов работали в гимназиях России преподавателями классических языков. В 1870 году Федор Тютчев писал в стихотворении «Ян Гус на костре»:

О чешский край — о род единокровный!
Не отвергай наследья своего —
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество! [3]

А еще ранее, в 1841 году в стихотворении «К Ганке» он констатировал:

И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...[4]

— так что желание Махара посетить Россию неудивительно. Дополнительным ориентиром ему мог служить опыт предшественника, ведущего литератора предыдущего поколения, Сватоплука Чеха, поэта и прозаика, который в 1874 проехал по Кавказу, и написал о своих впечатлениях в ряде статей, собранных затем в сборники «Воспоминания о Востоке» (*Upomínky z Východu*, 1876) и «Зарисовки путешествия» (*Kresby z cest*, 1884), а также создал поэму «Черкес» (*Čerkes*, 1875)¹. Результатом путешествия Махара стал сборник стихотворений «Поездка в Крым» (*Výlet na Krym*) [8], вышедший в 1900 году, и написанный, как гласит авторское примечание, в 1898–1899 гг.

¹ Поэму по сегодняшней политкорректной моде можно назвать «произведением о черкесском геноциде», и предлагать ее сенсационный анализ именно с такой точки зрения, и удивительно, почему чешские литературоведы до этого еще не дошли, но в действительности это будет большой натяжкой.

Махар поехал не просто в Россию, а в Крым, который к тому времени начал становиться модным курортом. На полуострове шло активное дачное строительство, возникали дворцы. В 1898 году участок в Ялте купил А.П. Чехов, на котором построил дом. В Крыму Махар мог удовлетворить желание увидеть экзотику, связанную с югом и морем, с восточной культурой.

«Поездка в Крым» не только поэтический травелог, а сложное сочетание дорожных наблюдений, размышлений о жизни, об истории славянских литератур, о русской культуре. Его автор – ведущий чешский поэт своего времени, который воспринимает действительность через литературную традицию, так что впечатления Махара отягощены начитанностью, погружением в историю. Так, впервые увидев море в Одессе, он рефлексирует:

О, море... я слышал, как оно ревет
Когда-то в юности в строфах Чайльд-Гарольда,
Я также знал его сладкие брызги
из живых картин Гейне,
так что оно было уже отчасти знакомо мне...²

Помимо стихотворной части, в сборнике есть и прозаические фрагменты. «Поездка в Крым» строится последовательно хронологически – поездка в поездке от Праги до Одессы, пересадка на пароход, плавание до Севастополя, путешествие по Крыму, возвращение. Нас интересует в первую очередь «литературная» часть путешествия Махара.

Из русских авторов упоминается стандартный набор классики – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Гончаров. Несколько неожиданно появление в нем поэта Алексея Толстого. Махар так характеризует его поэзию и личность: «нежные стихи, которые писал в двух верстах отсюда ближе к морю, Алексей Толстой, поэт, обожаемый всеми женщинами России». Махар, соответственно, знал о посещении Толстым Крыма в 1856 году, сразу после окончания одноименной войны, по итогам чего тот создал поэтический цикл «Крымские очерки», который, возможно, был одним из ориентиров для Махара.

Многое увиденное он воспринимает через призму русской классики. Видя на пароходе черкеса, который «тащит с собой сумку, продавая здесь фиолетовые шарфы, скатерти и пояса», поэт признается – «И это всегда больно ранит меня в сердце... ибо он – о романтика моей юности! – внук героя Пушкина и Лермонтова». Возможно, этот мирный торговец-черкес напоминает ему и о черкесе-мятежнике из поэмы С. Чеха, что дополнительно отравляет впечатление.

Стоит Махару заметить, что «в серых тех водах постепенно вырисовывается белый парус, как вспоминаешь по манию слов, что о нем уже написал Лермонтов, и так те строфы в душе звучат, что улетел бы ты с ним в даль». Вид

² Здесь и далее переводы мои – М.А.

старца, склонившего голову, у Махара вызывает ассоциации с картиной со страниц «Мертвых душ» - те же грусть, и «пепельный оттенок».

Русская классика в те времена не была еще чем-то стародавним. Встреченная русская дама «рассказывает о дорогом Тургеневе, с которым она разговаривала однажды, описывает его походку, даже движение белой руки, когда он проводил по своим серебристым и безупречно густым волосам». Российская культура высшего класса того времени литературоцентрична – пятнадцатилетняя девочка «уже читает серьезные трудные книги. Под уютной кроной деревьев ее сопровождают Тургенев, Достоевский, Гончаров».

Но не только о русской словесности думает Махар в Крыму. С полуостровом тесно связана литературная судьба польского поэта Адама Мицкевича, написавшего цикл знаменитых крымских сонетов, ставших эпохой в польской поэзии. И чешский автор создает пять «Крымских сонетов», обращенных к Мицкевичу, с которым Махар ведет диалог. В первом он отмечает: «сегодня здесь иначе, пан Адам!», и высказав максимум, что «в романтике мало удобства», перечисляет, что появилось - телеграф, гостиницы, в них – электрическое освещение, французская кухня, безупречный сомелье, столовое серебро и т.д. Во втором сонете Махар сравнивает сказочный Крым из стихов Мицкевича с современным; тот первый, «восточный», он уподобляет старцу полному сил, а нынешний – напудренной даме с лорнетом. Третий сонет посвящен мысу Кикинеизу – как аналогичный у Мицкевича, в нем Махар сопоставляет свои впечатления с таковыми у предшественника. В четвертом сонете продолжается сравнение впечатлений, и Махар утверждает, что крымские скалы сегодня не так грозны, и вводит образ местного татарина, развлекающего великосветскую львицу (сравни тот же сюжет у Чехова в рассказе «Длинный язык» 1886 года). Заключительный сонет описывает крымский дождь, когда вся природа меняется, и Махар признается: «Я узнал твой Крым», и перечисляет – «небо суровое и гневное», «солнце исчезло без следа» и т.п. Строгий ориентализм Мицкевича восторжествовал в итоге, Крым нынешний, комфортный и туристический, отступает.

Названия стихотворений напоминают главы путеводителя: «Севастополь», «Ялта», «Ай Петри», «Гурзуф», «Ореанда», «Алупка». Напомним, что в то же самое время Чехов пишет «Даму с собачкой» о Ялте, и потому любопытно узнать впечатления о городе чешского поэта: «И счастливые моменты давно забытые, которые был у меня в жизни, оживают, Я снова чувствую их свежий аромат, и бурная кровь снова течет по моим венам», «и я обнимаю тебя, милая Ялта, от всей души!», «ах, Ялта, Ялта, гармония цветов, чудо света, диво дивное, рвущее душу!»

В сборнике множество бытовых наблюдений, в том числе о словах, тогда еще не вошедших в широкое употребление: «Как это называется? - Шашлык, - Их еда, а именно, куски баранины». И стихи превращаются в кулинарную книгу: «Ведь шашлык надо есть горячим».

***

Антон Ашкерц (Anton Aškerc, 1856 – 1912) родился в крестьянской семье, получил духовное образование, и до 1898 года служил священником в различных приходах католической церкви в Словении. Ввиду противоречий между его занятиями поэзией, которую он активно публиковал, и требованиями сана, что вызывало недовольство вышестоящей иерархии, он в 1898 году перешел на гражданскую службу в Любляне как архивист. В историю словенской поэзии Ашкерц вошел как крупнейшая фигура в период между ее основоположником Франце Прешерном и Отоном Жупанчиком, лидером нарождавшегося модернизма, как мастер баллады, и, вообще, повествовательного жанра [2].

Ашкерц много путешествовал, и в 1901 и в 1902 году совершил визиты в Россию, о которых написал в книге очерков «Две поездки в Россию» (*Dva izleta na Rusko*, 1903) [6] и в книге «Четвертый сборник стихотворений» (*Četrty zbornik poezij*, 1904) – в разделе «Из путевого дневника» (*Iz popotnega dnevnika*) [5].

Раздел состоит из 21 стихотворения, названия которых говорят сами за себя: «В домике Петра Великого», «Памятник юного Пушкина», «Русская деревня», «На Воробьевых горах», «Самовар», «В храме Христа Спасителя», «Украинская степь», «На Черном море», «Грузинки», «Через Кавказ», «Терек», «В Ялте» и т.д., то есть – примечания туриста о наиболее характерном и заметном среди увиденного. Ашкерц в стихотворении «В купе» так и называет себя – «турист» (*turist*). К названию «Из путевого дневника» Ашкерц уже обращался в сборнике «Новые стихи» (*Nove poezije*, 1900), где в одноименном разделе писал об итальянских впечатлениях.

Ашкерц ехал в Россию не просто как в новую для себя страну, еще один туристический объект. В «Двух поездках в Россию» (примечательный факт, эпиграфом к книге он взял слова Пушкина «Я там был; мёд, пиво пил – И усы лишь обмочил», которые он приводит кириллицей, как и далее везде по тексту русские цитаты) он писал: «По Италии и Швейцарии я путешествовал как человек, по России прежде всего как словенец, как славянин. И Россия – славянская держава. Каждому сознательному славянину должно быть интересно, что же это за такая самая большая славянская земля, где славянин сам себе – в истинном смысле слова – полный хозяин... Путешествуя, чувствуешь себя среди русских, как дома. Сознание того, что в России правит и командует только славянин, наполняет гордостью даже скромного словенца... Повсюду вы слышите прекрасный, благозвучный и могучий русский язык, столь родственный и близкий нашему наречию, на котором говорят более 85 миллионов наших братьев!.. Это наш братский язык, господствующий над всем огромным пространством от Вислы до Тихого океана и от Ледовитого океана до Индии!»

Для Ашкерца, представителя самого маленького славянского народа (если не брать сербов-лужичан), безо всяких перспектив на тот момент обрести независимость или, хотя бы, автономию, поездка в Россию носила компенсаторную функцию, возможность приобщиться на время к великой славянской стране, почувствовать свое родство с ней.

Но Россия, как и для Махара, а еще раньше для Чеха, это не только гигантская держава родственного народа, но и многоликая страна, населенная множеством наций, с бесконечным разнообразием географических областей, культур, языков и историй. Среди прочего, поездка в Россию давала возможность утолить тоску по Востоку, ибо она была той же мере восточной страной, как и страной западной культуры. Кавказ и Крым предлагали богатые ориенталистские впечатления. А Ашкерц интересовался восточными религиями, исламом и буддизмом, посетил Египет и Константинополь.

Поскольку Ашкерц въехал в Россию через Варшаву, он, подобно Махару, обращается к фигуре равновеликого Пушкину славянского поэта. В стихотворении «Перед памятником Мицкевичу» Ашкерц называет Мицкевича «королем-поэтом», который поет «бессмертные баллады» «бесчисленным армиям», приходящим послушать к его поэтическому престолу. В то время Польша была разделена и не имела собственной государственности, и Ашкерц, намекая на это обстоятельство, пишет: «я думал, нет польских королей в Варшаве, но здесь передо мной стоит король, вылитый из бронзы, единственный настоящий!» Поэт предстает духовным лидером нации. Обращение к Мицкевичу Махара куда более интимно и менее пафосно – он для него собрат-поэт в первую очередь.

В стихотворении «Памятник юного Пушкина» Ашкерц рисует поэта,рывающегося на лоно природы, чтобы творить в одиночестве. Произведение посвящено загадке творческого вдохновения: «И ты сам не знаешь, какой мотив оживет первым, какой стих из-под твоего пера первым появится сегодня на бумаге». Пушкин предстает неразрывно слитым с Россией: «и сам ты молод в это утро... и родина твоя еще молода». В русской деревне Ашкерцу приходит на ум образ самого известного на тот момент писателя – «Бородатый крестьянин в белом кафтане плугом проводит свою борозду. . . Я смотрю на старика и мне кажется, будто он сам Толстой».

Космополитический Петербург меньше привлекает внимание словенского поэта, в отличие от Москвы, которой он посвящает два стихотворения. Ашкерц стремится отобразить многообразие России, в украинских степях он вспоминает о Хмельницком, восхищается в Тифлисе грузинками, видами Казбека и Терека. Крым не является для него главной целью путешествия, скорее, таковым был Кавказ, но он проплывает мимо его берегов, и посещает Ялту, где намеревался посетить и Толстого и Чехова. Интересно сравнить его впечатления с описанием Махара. Ашкерц называет Ялту «новой сказкой», «раем на земле».

Оба поэта дали набросок Одессы. Но если у Ашкерца совсем кратко в стихотворении «Назад!» – «город меня зазывает своими богатствами... пыльная улица... крики торговцев и суета... как шумно грохочет тут воз за возом!», то Махар в «Одессе» дает развернутое описание, начиная его так: «Под белым солнцем лежит белый город». Его картина отчасти перекликается с предыдущей: «шумит, кричит, гремит трамвай, мигает и вспыхивает экипаж, звенят колокольчики... в этом кишачем белом муравейнике». И тоже упоминается пыль,

два раза. Одесса, в отличие от Ялты, в первую очередь громадный торговый порт, один из крупнейших городов империи, что подчеркивают оба.

***

В целом поэзия Ашкерца в «Путевом дневнике» не рефлексивна, не медитативна, в отличие от Махара. Это экспрессивные зарисовки увиденного, энергичные и часто лаконичные. Махар более сложен, у него нет такой восторженности. Способность Ашкерца писать бойко и сжато, лучше всего проявилась в стихотворении «В купе», построенном как диалог поэта со случайным попутчиком. В 38 строках он успевает и объяснить русскому, кто такие словенцы, о которых тот никогда не слышал, и узнать, в свою очередь, мнение о внешней политике России с ее переориентацией на Восток, и, даже, о славянофильстве.

У Махара в сборнике есть подобное по сюжету стихотворение – «Ночь в поезде», тоже, отчасти, построенное на диалогах. Но оно показывает различие двух поэтов. Махар сосредотачивается на мельчайших деталях обстановки, чертах попутчиков. «Большого мира» в его купе не существует.

Ашкерц менее ориентирован на литературную традицию чем Махар в стихах о России, но для «Русской антологии в словенских переводах» (Ruska antologija, 1901) перевел около ста тридцати стихотворений. Махар, в отличие от него, в «Поездке в Крым» свободно обращается к разным эпохам. В «Портрете моей хозяйки» он переносит знакомую русскую даму то в Древний Рим, то в Испанию XVII века, то во времена Французской революции, упоминает Энеиду, Овидия, Катулла, Петрония, Цицерона, Платона, Мурильо. Он представляет, как некогда в Крыму «читал, глядя на синее море, молодой греческий поэт песню из Одиссеи».

Махар менее эмоционален, он более сдержан, и явно не панславист. Для него Россия – страна богатая, огромная, разнообразная, но не такая уж и близкая. Возможно, его происхождение из Праги – второго-третьего города Австро-Венгерской империи, древней столицы Чехии, и текущее проживание в Вене, в отличие от глубокого провинциала Ашкерца, формируют такой взгляд, равно как принадлежность к чехам с их многовековой историей государственности.

Для обоих Россия не просто великая славянская страна, но и империя, что ими воспринимается, скорее, одобрительно, особенно Ашкерцом (за что подвергается критике в современном словенском литературоведении, ориентированным на модные теории Эдварда Саида [1, 7]). Наличие в ней Крыма, Кавказа, степей Северного Причерноморья, множества самых разных народов и вер, лишь дополняет богатство русской земли. Та же Евпатория для Махара – «кусочек Востока». Русские Кавказ и Крым были доступным Востоком, сравнительно доступным и комфортным, безопасным, с европейской культурой обслуживания, понятным языком. Ашкерцу нравится в России все, начиная с «пузатого блестящего самовара», который является «добрым духом русского до-

ма... духовным русским царем». О шумящем самоваре – олицетворении гостеприимства – четырежды пишет Махар.

Оба приехали из другой империи – Австро-Венгерской, и совместное проживание различных этносов, часто между собой перемешанных, для них не является чем-то чуждым. Примечательно перечисление Махаром пассажиров на пароходе – тут и черкес, и евреи, и армяне, и турки, и греки, и араб, и украинец, и поэт пишет: «Я смотрю на разные лица и ловлю обрывки чужой речи, и сужу о значении по взглядам и жестам... Я пытаюсь представить их дома, их семьи».

Ашкерц упивается видами Кавказских гор, и обращается от лица Терека: «Я, сын свободных гор кавказских, свободного Кавказа сын!». Хотя он приехал из альпийского края, поэт не устает восхищаться: «гордый, почтенный Казбек! Как величественно поднимается он над горами Кавказа как царь!.. Кавказ, гигант небесный, гордый, прекрасный Кавказ!»

Особенно очарован Ашкерц Грузией, посвящая ей стихотворения и вне раздела «Из путевого дневника» – две небольших поэмы «Тамара и Каспий» (в которой поэт ловко сплетает и прошлое с царицей и Шотой Руставели, и настоящее с добычей бакинской нефти) и «Кинжал» в том же сборнике. И он пишет о шашлыке без пояснений – что же это за такое блюдо? Махар же в традиции классицизма вспоминает на пароходе о древней Колхиде и золотом руне. Богатство России – в ее неисчислимом разнообразии, такой напрашивается вывод после чтения стихотворений обоих.

Ашкерц цикл стихов о России завершает «Русским языком», восторженным гимном в честь наречия великого народа. Стихотворение начинается признанием:

Ты прекрасный братский славянский язык,
как радуешь мой слух!
Всякий раз, когда я слышу тебя, в глубине души
родственные, тайные струны поют.
Великий благозвучный русский язык,
почему ты не мой язык также?

В конце стоит следующий призыв:
Зажги свет, могучий русский язык,
Повсюду от Балтики синих берегов,
через степи и горы, через тундру и через реки,
до волн Тихого океана!
От северных ледяных морей
до солнечной Индии твой могучий голос
поднимет угнетенных из праха и страданий,
принесет народам спасение просвещением!

Пребывание в России не стало поворотным пунктом в жизни обоих. Но оно обогатило их впечатлениями, привнесло в их творчество новые цвета, мысли, сюжеты, стало если не необходимым, то важным этапом осмысления своего

места как славянских поэтов, усилило ощущение славянской общности, богатства и разнообразия семьи родственных языков и культур.

Список источников

1. Козак К.-Я. Ориенталистический взгляд на Россию в словенской путевой литературе. Пер. М.Л. Бершадской // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. — М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2014. — с. 192–218.
2. Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков). — М.: «Индрик», 2010. — 248 с.
3. Тютчев Ф. Гус на костре // Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. — М.: Издательский центр «Классика», 2003. — Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. — С. 216–217.
4. Тютчев Ф. К Ганке // Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. — М.: Издательский центр «Классика», 2002. — Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. — С. 188–189.
5. Aškerc A. Četrty zbornik poezij. I. Kleinmayr & F. Bamberg, 1904.
6. Aškerc A. Dva izleta na Rusko : črtice iz popotnega dnevnika V Ljubljani: Schwentner, 1903
7. Kozak K.-J. »Pod egido ruskega orla« ali orientalistični izleti A. Aškerca, Primerjalna književnost (Ljubljana), letnik 34, št. 3, december 2011
8. Machar J. S. Výlet na Krym. Praha: F. Šimáček, 1900.
9. Sýkora P. Básník proti Hradu – neposlušný občan Josef Svatopluk Machar. Praha: Libri, 2009

References

1. 1. Kozak K.-Ya. Orientalisticheskij vzglyad na Rossiyu v slovenskoj putevoj litera-ture. Per. M.L. Bershadskoj // Rossiya i russkij chelovek v vospriyatii slavyanskix narodov / отв. red. A.V. Lipatov, Yu.A. Sozina. — М.: ООО «Centr knigi Rudomino», 2014. — s. 192–218. (In Russ.)
2. Slovenskaya literatura (ot istokov do rubezha XIX–XX vekov). — М.: «Indrik», 2010. — 248 s. (In Russ.)
3. Tyutchev F. Gus na kostre // F.I. Tyutchev. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v shesti tomax. — М.: Izdatel'skij centr «Klassika», 2003. — Т. 2. Stixotvoreniya, 1850–1873. — S. 216–217. (In Russ.)
4. Tyutchev F. K Ganke // F.I. Tyutchev. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v shesti tomax. — М.: Izdatel'skij centr «Klassika», 2002. — Т. 1. Stixotvoreniya, 1813–1849. — S. 188–189. (In Russ.)

Информация об авторе

Артемьев Максим Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент. Независимый исследователь, Россия, Москва.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Information about the author

Artemyev Maxim Anatolyevich, PhD in Psychology, Associate Professor. Independent researcher, Russia, Moscow.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.05.2025